

Пирра была уверена, что у нее закончились слезы за последние десять дней.

Она плакала в ту первую ночь, когда с запозданием поняла, что прогнала Жона, и маленький голосок в ее голове твердил, что она больше никогда его не увидит — либо потому, что он не вернется из Сиона (он, может, и был хорошим фехтовальщиком и неплохо стрелял из пистолета, но это была боевая группа Белоногих), либо потому, что он окончательно устал от ее резкого характера (несмотря на то, что он сказал ей в Убежище 21).

Она плакала, когда впервые перешла через перевал к западу от Примма и увидела каньон из обломков, едва скрытый под бушующей песчаной бурей.

Она плакала, когда наконец покинула знакомую ракетную шахту и впервые взглянула на то, что когда-то было довоенным городом Хоупвилл... а теперь представляло собой лишь грудю облученных обломков.

Она прослезилась, когда узнала, что там есть выжившие после катаклизма, унесшего Раскол... гули, чья кожа была содрана песчаными бурями Раскола, а жизнь и боль поддерживались огромным количеством радиации в этом районе. Но не одичавшие; они все еще умели пользоваться оружием и ставить ловушки. Некоторые даже были одеты в странные имитации униформы НКР или Легиона... но их невозможно было переубедить, как бы она ни старалась. Не то что Светлое Братство...

Она плакала, когда, пытаясь получить доступ к бункеру, ведущему в Эштон, дернула рычаг и случайно запустила ядерную ракету в руины Хоупвилла... места, которое она когда-то знала досконально.

Она плакала, пробираясь через Эштон, пробиваясь сквозь вторичные взрывы, странных зеленых рептилоидно-гуманоидных туннельщиков, населяющих бункер, и раны, которые продолжали затягиваться, решив наконец получить ответы. ...и наконец увидела зияющие раны в земле, огромные трещины в том месте, которое когда-то было ее домом, и скрюченные скелеты некогда величественных зданий, которые теперь принадлежали гулям, в то время как Когти Смерти рыскали по улицам, а туннельщики хозяйничали в канализации. Там, осаждаемая со всех сторон, сверху и снизу, она превратилась в крысу, которая рыскала по зданиям в поисках припасов, чего-нибудь, что помогло бы ей продолжить путь...

Но в конце концов она осталась Пиррой Никос, бывшим вундеркиндом племени Бранвен, бывшим чемпионом Раскола, а ныне Курьером и работником Хауса. Она поклялась вернуться, чтобы помочь Хаусу превратить Нью-Вегас в то, чем мог бы стать Раскол, и извиниться перед Жоном. Даже крыса может быть злобной, если ее загнать в угол.

Когда ее оружие разрядилось, она просто начала собирать новую добычу с убитых гулей и тел павших бойцов НКР и Легиона, которые были в Расколе. Когда ее ножи тупились или ломались, она била кулаками и ногами, выкалывала глаза большими пальцами, вбивала бронированные локти и колени в кости, чтобы сломать их. Когда ее загоняли в угол и преследовали, она заводила их в ловушки и засады, а затем жестоко расправлялась с выжившими и забирала с трупов все, что могло пригодиться. В конце она отпилила руку Когтю Смерти острым камнем, а затем использовала его как шипованную дубину, чтобы пробить путь через полчища туннельщиков, которые пытались прогрызть путь через элитное снаряжение для омовцев, которое она нагнала с тела рейнджера НКР.

Но она выжила, как и всегда. Она была измотана, избита и в синяках, не поддающихся даже чудесам довоенного стимула, тащила на себе отрубленную руку Когтя Смерти и коллекцию

разграбленного оружия и боеприпасов сомнительного качества (и пистолет 5. 56-мм; она никогда не расставалась с ним), и она не знала, сколько крови на ее броне было ее, а сколько принадлежало различным гулям, которых она была вынуждена убивать... но она была жива, когда наконец достигла конца дороги.

Перед ней лежал запечатанный предвоенный командный бункер, заполненный бездействующими ракетами. Она никогда не входила в него раньше, но он был ей знаком, хотя бы потому, что даже выносливые местные жители Раскола не хотели в него заходить.

С решительной grimасой она открыла двери и пошла по линейным коридорам, следуя за оставленными для нее стрелками, игнорируя запертые двери, пока наконец не достигла лифта.

Без малейшего колебания она вошла в довоенный лифт и нажала на кнопку.

Древняя платформа под ней задрожала, и ржавые шестеренки заскрипели, прежде чем она начала подниматься.

Наконец, спустя, казалось, целую вечность, лифт остановился, и перед ней открылись массивные бронированные двери.

У нее чуть челюсть не отпала, когда перед ней открылась огромная комната с множеством ядерных ракет по бокам.

Но это было не самое большое потрясение.

Когда мимо нее пролетели глазные боты, а двери шахты медленно открылись, освещая помещение, ее взгляд остановился на центре комнаты.

Прямо напротив нее, в дальнем конце комнаты, за флагом довоенной Америки, свисающим с двух опорных балок как знамя, медленно начала подниматься ракета. А перед ними сидел темнокожий мужчина с дредами в противогазе, сидя на ящике и опираясь на массивную винтовку, наблюдая за появляющимся ВМД.

— Итак, ты пришла. — Прорычал Курьер Пять, шагнув вперед, не отводя взгляда. — Твой город, Вегас, лежит в другом направлении... вместе с остальными рабами. Или это только ты, Курьер?

— Я здесь, как ты и просил. — Прорычала Пирра в ответ. — А теперь дай мне ответы!

— Спрашивай. — Пятый Курьер великодушно позволил, наконец-то повернувшись к ней. — Ты проделала весь этот путь ради ответов. У меня есть только валюта.

Пирра моргнула, не ожидая, что это будет так просто, но все же начала: — Кто ты?

— Можешь звать меня Улисс. — Улисс представился, прежде чем уступить: — Это не мое имя, но достаточно близко. Взял его из истории, нашел в книге. Это имя из Старого Света. Улисс жил очень давно, задолго до того, как Старый Свет сам себя поджег. Он прославился, не будучи мифом. Ему пришлось сражаться во времена, когда в его мире было два флага, и он должен был сделать их одним.

— Улисс. Не миф. — Пирра тихо вздохнула, вспомнив старые учебники истории. — Ты чтишь историю, а не сказки.

— История. — Улисс размышлял, когда наконец передернул затвор своей антиматериальной винтовки и удовлетворенно кивнул. — Да. Улисс прошел трудный путь. Генерал, как Цезарь и Оливер. Он был Брамином по происхождению, что придавало ему силы на поле боя. Он привел свою сторону к победе, превратил два знамени в одно. И тогда он проиграл — когда битва была закончена, болезнь взяла верх. Урок, если верить истории.

Пирра не видела, не понимала, какое отношение Улисс имеет к генералу времен Гражданской Войны, и ей было все равно. Вместо этого она сменила тему и продолжила свои вопросы: — Почему ты позвал меня сюда? У нас была какая-то история или что-то в этом роде?

— Кто ты такая, что даже не знаешь своей собственной истории? — Улисс насмешливо посмотрел на нее. — Нет, мы никогда не общались до этого момента. Но я знал о тебе, о твоём имени. Твой путь, к Расколу и обратно, что это означало для Легиона. Я знал тебя по твоим поступкам. Знал, что ты прошла Запад так же, как я прошел Восток. Получили разные уроки. И без тебя я бы никогда не обнаружил Раскол.

— Ты... ты тот, кто привел сюда Легион? — Пирра вздрогнула. Она всегда думала, что Легион просто последовал за НКР, как они последовали за ней. Наконец-то есть на кого свалить вину...

— Да. — Улисс произнес прямо, прежде чем в его голосе появилась ностальгия: — Но... когда я шел по твоей дороге к Расколу те годы назад, я видел символ, который носил вокруг всего. Символ Старого Света. Символ Америки. Сильной, чтобы выжить здесь — ее народ, сильный. Увидев его... я изменился, так же как вид плотины Гувера изменил Цезаря и НКР.

— ... ты ведь тоже верил в это, не так ли? — С грустью спросила Пирра, вспоминая зарождающуюся общину, которая когда-то была здесь. В ней вспыхнуло сочувствие к другому курьеру, который нашел здесь дом. — Или то, чем это когда-то было?

— Здесь была надежда, еще один шанс. — Горестно вспоминал Улисс. — Новая нация, пробуждающаяся к жизни. Место, где я мог бы установить свой флаг. Не та Америка, что была раньше. Но что-то большее, чем племена Востока, что-то большее, чем дома Запада. Что-то лучшее. Раскол... мог бы соединить обе страны, как плотина Гувера. Теперь, как и плотина, он слишком покрыт кровью, чтобы увидеть, чем он мог бы быть. Ты дала жизнь этому месту. Я шел по твоей дороге сюда, увидел Раскол. Ты привела меня сюда, чтобы я мог видеть. А потом ты положила этому конец.

— Я? — Пирра моргнула, когда тоненький голосок, который всегда обвинял ее в проклятии, стал громче. Затем она покачала головой, вспомнив слова Жона. — Я не взрывала Раскол! Не я заставила НКР и Легион воевать из-за него!

— Но ты сделала это. — Улисс заявил просто, яд наполнил его голос, вытеснив всякую грусть. — Ты доставила посылку. На ней были метки, совпадающие с теми, что были в Расколе. Не все... но достаточно. Военная маркировка, из места, которое Медведь разорил на Западе.

— Наварро... — Вздохнула Пирра, вспоминая последние годы. Затем она покачала головой и защитилась: — При чем тут это? Это было за целых две недели до его уничтожения!

— Им понадобилось две недели, чтобы вскрыть посылку. — Улисс фыркнул. — Это было устройство, детонатор. Такой я никогда не видел раньше — и не слышал раньше. И когда устройство открылось, оно заговорило. И когда оно заговорило, Раскол ответил. Те ракеты, которые ты видела, похороненные в своих шахтах. Они взорвались под землей, расколов ландшафт. Достаточно нескольких таких ракет, запертых под землей, чтобы разорвать землю... и выбросить пыль, песок... пепел... в небо над головой. Песок, пепел... мертвецы... Небеса

Раскола превратились в кладбище.

— Нет... — Пирра не могла не молиться, что он ошибается, пока соединяла точки в своей голове. Она помнила последнюю посылку: пакет от НКР, полученный во время их старой войны с Анклавом. Анклав определенно мог проверить нечто подобное...

И местность. Похоже, здесь были землетрясения, особенно сильные... или подземные взрывы.

— Да. — Улисс зарычал. — Ты несла эту штуку к Расколу. Я знаю, потому что следил за тобой, когда ты шла по дороге, видел, как ты это делала... видел, что случилось потом...

— Как ты выжил, если видел, что произошло? — Слабо спросила Пирра, в отчаянии гадая, могут ли быть другие выжившие...

— Надо было умереть там... — Признал Улисс. — Машины здесь... спасли меня. Я был единственным выжившим... или думал, что был. Твой пакет, сообщение внутри, пробудили медицинские машины... начали создавать себя, потом других. Они берут только те части, которые находят в Расколе, никогда не выходят за его пределы — даже не могут покинуть бункеры без человека, как гончие.

— Почему ты? — Потребовала Пирра. — Почему не кто-то другой?!

— Может быть, они увидели флаг на моей куртке и подумали, что я из Америки. — Улисс пожал плечами. — Если так, то история спасла меня. Знак. Но нет. Никто из тех, кто жил здесь, не выжил...

Пирра не могла удержаться от иронии. Единственные выжившие в Расколе... два курьера извне, которые называли его домом.

Что еще важнее, два курьера, которые по неосторожности обрекли его на гибель, приведя сюда НКР, Легион и тот последний пакет...

Жон ошибался.

Раскол был ее виной.

Как оказалось, у нее еще оставались слезы.

Но даже плача, она не могла понять одну вещь.

— Зачем... зачем все это? — Не могла не спросить Пирра. — Зачем возвращать меня сюда?! Месть?

— Не то имя, которое я бы дал ему. Не то имя, которое дали бы ему мертвые. — Улисс усмехнулся. — Месть — это не то послание, которое у меня есть для тебя. Более того... Курьер. Я научился у тебя. И оружию, чтобы убить народ, и силе, чтобы сделать это. Ты показала мне дорогу, способ нести мое послание. Ты уже ответила за то, что сделала. Теперь за это ответит флаг, которому ты следуешь.

Словно в подтверждение его слов, по всему бункеру зазвучали сигналы тревоги и сирены.

— Улисс... что ты натворил? — В ужасе спросила Пирра, почувствовав грохот под ногами.

— Раскол пробуждается — пакет и послание внутри него прошли полный круг. — Горячо

заявил Улисс. — Последовательность началась, как и прежде. Только на этот раз ракеты коснутся неба, а не будут заперты под землей.

— Ты собираешься взорвать Мохаве?! — Воскликнула Пирра в шоке.

— Я превращу Длинную 15 в огненные мили и отрежу Мохаве. — Улисс поправил ее. — НКР отступит, и без поддержки НКР Вегас падет перед Легионом. Эта могила огней превратится в пыль и призраки, как и было задумано. После этого над Мохаве останется только один флаг. Пусть он развевается, или уничтожит себя.

— Ты с ума сошел? — Пирра пыталась вразумить его, хотя в его словах слышалась убежденность. — Ты видел, что здесь произошло! Если хочешь обвинить меня, валяй, но зачем ты пытаешься воссоздать то, что здесь произошло, заново! Я не понимаю!

— Ты не видишь, слушай — даже когда все это вокруг тебя, даже если я вбил это в твою голову, как подарок Цезаря. — В голосе Улисса звучало отращение к ее невежеству. — Ты оживила Раскол, Курьер. Ты прошла по дороге. Привела Медведя, потом Быка, привела меня, идущего по твоим следам. И когда я увидел Раскол, который ты создала, я увидел второй шанс, новый образ мышления. Мой мир — больше не Восток.

— Затем ты принесла Запад в этом пакете. Разрушила все. Почти убила меня, плоть и дух. Ты уничтожила нечто большее, чем Медведь, большее, чем Бык. И даже когда ты могла отвернуться, ты вернулась. Ты уничтожила нацию, сделавшую свой первый вдох. Место, которое могло бы стать моим домом. Теперь я уничтожу твой.

— Хаус может сделать Нью-Вегас тем, чем всегда мог быть Раскол! — Умоляла Пирра. — Пожалуйста, люди не заслуживают этого!

— Нет... твоего ответа недостаточно. — Улисс покачал головой. — Они заслуживают того, что придет. Вегас рождается из испорченных, слепых, потерянных, которые собираются в нем. Без них... он погрузится во тьму. Я превращу его в еще один Раскол.

Пирра вздрогнула, вспомнив свои слова, сказанные Жону и Фрисайд. Она не могла отрицать этого. Но даже так... она не могла так поступить с ними. С ним. — Я могу все изменить! Жон может все изменить! Вегас прошлого не должен быть Вегасом будущего!

— У твоего будущего с Хаусом две дороги. — Ответил Улисс. — Дорога, по которой шли племена в Вегасе... их духи разбиты... или твое лицо на роботе-слуге, вечно улыбающееся в мертвом казино. Ни в том, ни в другом нет будущего. Ты веришь. И все же... ты ослеплена неправильным символом. Пусть его свет даст тебе силы... сегодня его конец.

— Я тебе этого не позволю. — Прорычала Пирра, доставая 12,7-мм пистолет-пулемет гуля. Она вызвала катаклизм, унесший Раскол... и будь она проклята, если позволит этому случиться снова. — Это безумие!

— Нет, теперь есть цель! — Горячо заявил Улисс, глаза сверкали уверенностью. — То, что я делаю, — это акт убеждения! Я завершу работу истории. Если Раскол не смог убить тебя... возможно, эти копы Старого Света смогут. Давай покончим с этим, Курьер, ты и я. Здесь, с флагом Старого Света в качестве свидетеля.

Пирра быстро подняла оружие и нажала на спусковой крючок, стреляя в общем направлении.

Улисс был быстрее, он вскочил на ноги и пригнулся за ящиком, на котором сидел, когда пули

разлетелись в воздухе, безвредно отскочив от МБР.

Когда Пирра опустошала свой магазин, ствол противоматериальной винтовки Улисса высунулся из-за ящика, и он выстрелил.

Пуля, предназначенная для пробивания силовой брони и танков, пробила ее собранное оружие, а затем врезалась ей в грудь. Элитное снаряжение ОМОНа успешно поглотило ослабленный выстрел, когда она упала на ноги.

Пирра зашипела от боли, уже ослабевшая от нагрузок последней недели, но заставила себя перекатиться с дороги, когда раздался еще один выстрел, и на том месте, где она была мгновение назад, появился небольшой кратер.

Стиснув зубы, она изо всех сил швырнула разрушенное оружие, оттолкнувшись от пола, и побежала в противоположном направлении, надеясь заскочить за соседнюю консоль.

Ее глаза расширились, когда она услышала звуковой сигнал, но было слишком поздно.

Заряд из ранца, спрятанного за консолью, взорвался, когда она дотянулась до него, отправив обломки металла ей в ноги.

Пирра споткнулась, но сумела перевести падение в неловкое пикирование, в результате которого она оказалась на опущенной платформе, обеспечив себе небольшое прикрытие.

Пирра воспользовалась коротким моментом, чтобы поднять голову и грубо воткнуть стимпак в ногу, не обращая внимания на боль, а затем достала штурмовой карабин и служебную винтовку НКР.

Однако не успела она подняться, чтобы открыть огонь на подавление, как рядом с ней упала заряженная плазменная граната.

Пирра отбросила ее ногой и вскочила на ноги, заметив, что в нее бросают еще одну заряженную гранату.

Она вскинула оружие и рванула в сторону, но тут взорвалась осколочная граната, отбросив ее в ближайшую металлическую балку.

— Достоин Хэнлона. — Улисс самодовольно сплюнул, подойдя к ее лежащей форме. Он ненавидел Хэнлона за его трусливые выходы, но поневоле уважал старого вождя рейнджеров за то, что тот все же добился успеха.

Затем он заметил малейший намек на движение и пригнулся за колонну, которая, как он знал, была безопасной, когда два патрона калибра 5,56 мм пролетели через то место, где он был мгновение назад, а Пирра направила свой пистолет калибра 5,56 мм на колонну, тяжело дыша.

Несмотря на то, что ее броня успешно поглотила большую часть ударной волны от взрыва, она все равно, вероятно, разорвала что-то внутри нее, а удар о металлическую балку сломал ее и без того травмированную голень.

Возможно.

Она была слишком накачана адреналином и легкими обезболивающими стимпака, чтобы наплевать на боль.

Она закашлялась и выплюнула сгусток кровавой мокроты.

Ей было наплевать и на это.

После всего, что она узнала, о том, какой на самом деле была ее роль в Расколе... она не знала, заслуживает ли она второго шанса. Не знала, заслуживает ли она жизни.

Но даже если бы она не заслуживала этого... ей все равно дали второй шанс.

Она не знала, был ли Хаус действительно лучшим вариантом для Мохаве... но она не могла примирить слова Улисса о нем с суровым, но справедливым человеком, который в конце концов дал Жону шанс проявить себя, несмотря на свои оговорки, свои планы, и в итоге сдержал свое слово, когда Жон преуспел.

И самое главное...

Она не могла позволить ему сделать с Мохаве то, что она сделала с Расколом.

Ни всем невинным людям в Мохаве, тем, кто помогал ей в ее путешествиях.

Ни ради Жона.

Она заставила себя встать на ноги, не обращая внимания на то, что два неровных края кости скрежещут друг о друга, и осторожно сняла вес с раненой ноги, все время держа пистолет на прицеле.

Улисс выскочил из-за колонны, держась в тени.

Пирра успела сделать всего один выстрел, едва задев его щеку, прежде чем он настиг ее, и ей пришлось отбросить оружие в сторону и выдернуть руку Когтя Смерти из спины, когда его флагшток опустился на нее.

Она была в ярости, и с силой, которую могли дать только боль и убеждение, но Улисс был хорошо отдохнувшим, столь же яростным и уверенным в своих убеждениях, и у него в руках было подходящее оружие.

Позолоченный орел, увенчавший кленовое дерево Старой Славы, был силен, как когда-то Америка, и пока он уклонялся и пробирался между Когтя, вес его жезла, его убеждения сокрушали кости руки Когтя Смерти, каждый удар снижал эффективность грубой дубины.

Тем не менее, даже когда рука Когтя Смерти обрела структурную целостность желе, она все еще оставалась тяжелым куском мяса, которым орудовала Пирра Никос, и поэтому Улисс оказывал ей заслуженное уважение, терпеливо выжидая время, как он всегда делал.

Наконец, когда он притворился и отступил, Пирра перегнула палку, и избитая рука метнулась вперед, заставив ее сделать шаг вперед, чтобы компенсировать неконтролируемый вес.

Улисс мгновенно воспользовался этой слабостью, шагнул в сторону, уклоняясь от импровизированного оружия, и бросился вперед, ломая костяшки ее пальцев своим оружием, одновременно нанося удар ногой по поврежденной голени.

Когда она упала на одно колено, задыхаясь от боли, Улисс крутанул Старую Славу над головой, а затем одним плавным движением плеч и верхней части туловища взмахнул флагштоком, врезав его ей в лоб.

Пирра упала на землю, но не успела она подняться, как тяжелый сапог уперся ей в грудину, а кончик шеста уперся в голень, как раз в то место, где была сломана кость.

Улисс взглянул на Курьера, испытывая мрачное чувство удовлетворения и разочарования от того, что должно было произойти. После всего этого времени он не ожидал, что это действительно будет так просто... выйти из бункера живым, несмотря на все его убеждения.

Он даже запрограммировал машины так, чтобы они подняли тревогу и сирены по всему Расколу, как только лифт поднимется, зная, что это привлечет Меченых к его храму... в случае, если он не сможет убить ее, призраки Раскола наводнят бункер, отрезав ей путь к спасению.

Но это не имело значения. Он одержал победу над Курьером, доказал силу своих идеалов.

А теперь пришло время донести его послание и до остальных жителей Мохаве.

— Конец пути, Курьер. — Прорычал Улисс, не обращая внимания на отдаленные звуки лифта, когда он поднял над головой Старую Славу. — Раскол станет твоей могилой.

— Пошел ты. — Пирра вызывающе посмотрела на него и отвернулась.

Даже когда взвыли сирены и загрохотала земля, ее взгляд был прикован только к пистолету калибра 5,56 мм.

Она закрыла глаза и стиснула зубы, не в силах сжать разбитый кулак, отказываясь дать Улиссу удовольствие видеть ее слезы.

Я заслужила это...

Я должна была послушаться...

Прости, что не справилась, снова...

Прости меня, Жон.

— ОТОЙДИ ОТ НЕЕ!

Глаза Пирры распахнулись, и голова ее и Улисса закружилась, когда они повернулись лицом к неожиданно появившемуся человеку.

Не может быть.

Этого не может быть.

Не может быть, чтобы это был он.

Пирра проигнорировала эти мысли, и оба курьера просто уставились на внезапно появившегося Жона Арка.

Примечание автора: А вот и глава для начала недели... Жон проскакивает через весь Одинокий Путь DLC и прибывает прямо к храму-сило-бункеру Улисса, как раз вовремя, чтобы увидеть

Пирру, которая вот-вот умрет.

Также, очевидно, мы достигли 1к подписчиков. Когда? Как? Понятия не имею.

Да, я знаю, что ED-E изначально был ключевым персонажем в DLC Lonesome Road... но здесь я не использую его в сюжете. Вместо этого Пирра не получает никаких сообщений от Улисса до их финального противостояния, и Улиссу приходится прибегать к другим средствам, чтобы проложить путь и активировать ракеты. Почему? Ну, помимо того, что Жон, вероятно, не очень хорошо отреагировал бы на встречу с Анклавовцем... есть еще тот факт, что я вообще не касался присутствия ED-E в этой истории, и поэтому я не хотел внезапно вводить нового персонажа только для того, чтобы убить его.

Но с другой стороны, учитывая то, как шла война, не было бы смысла в том, чтобы ED-E выжил. Первоначально полковник Отем приказал списать в утиль модель глазных ботов Duraframe, потому что война с Братством шла плохо, и им нужно было строить больше брони Адского Пламени. Но в этой истории? Анклав оттеснял Братство на всех фронтах, пока Жон не появился на Объекте R. И, менее чем через день после этого, когда Отем спешил активировать очиститель, чтобы набрать жителей Пустоши, чтобы похоронить Братство, Либерти Прайм ворвался в Проект Чистоты, и Руби убила его. Быстрое и полное обезглавливание руководства Анклава означает, что некому приказать списать роботов Duraframe в утиль ради новой брони Адского Пламени, а это значит, что ED-E никогда не отправят с Адамс АФБ... а мы все знаем, что случилось на Адамс АФБ.

Аналогичным образом, она никогда не получает дистанционный детонатор и не взрывает разбросанные боеголовки, чтобы продолжить работу. Ведь зачем ей взрывать куски своего старого дома, если можно просто обойти обломки, или взобраться на них, или найти другие пути? В Расколе есть множество красивых декораций и прекрасная добыча... но есть огромная разница между игроками, связанными ограничениями игрового движка, исследующими каждый квадратный дюйм в поисках спрятанных сокровищ, прежде чем продвинуться дальше, и тем, как на самом деле будут действовать (или смогут действовать) люди, выполняющие задание. Например, основная причина, по которой игрок войдет в пещеру Абаддона и сразится с Когтем Смерти Рором, — это достижение, острые ощущения от схватки и обещание сладких наград. Пирра, да и любой здравомыслящий человек, встретив в реальности такую пещеру посреди территории Когтей Смерти, скорее всего, просто не полез бы туда, если бы у него не было действительно веской причины.

Что касается характера Улисса... честно говоря, мне трудно его описать. В основном все диалоги, которые я использую для него, взяты из его реальных реплик, и на основании того, что я могу сказать... он человек, который видел, как умер Раскол, и был одновременно в ужасе от разрушения своего дома... и вдохновлен влиянием, которое один человек может оказать на историю, и полон решимости воссоздать катаклизм, который сформировал ее. Вот только вместо того, чтобы уничтожить Раскол, он хочет уничтожить все ложные нации Пустоши. Если его Америка не может существовать, он не позволит ни одной другой нации существовать на месте той, что когда-то была Америкой. Его не волнует, что Пирра пытается воссоздать то, чем мог бы быть Раскол... она не убедила его, что это будет его Раскол, и поэтому он будет подражать Курьеру и воссоздаст Раскол во всей его ужасной славе.

И мне показалось, что это хороший способ противопоставить Пирру и Улисса в битве. Пирра — злобный прагматик, но могучий чемпион измотан, ослаблен физически и умственно упражнениями и откровениями Одинокой Дороги. Улисс же в расцвете сил мог бы сразиться с ней один на один, и у него было время изучить ее и подготовиться. Он потратил время на установку мин-ловушек, даже если ему не нравится эта тактика, и запомнил расположение

своего «храма». И вот, когда они сражаются... результаты очевидны.

Также, знаете... я понял, что так и не упомянул, что случилось с Рейвен Бранвен из Skyrim... хм-м-м, интересно, кто создал племя Бранвен в мире Fallout?

Просто мысль.

Уверен, что из этого ничего не выйдет.

<http://tl.rulate.ru/book/71357/2471691>